

Майк Нереальный

ТРИНАДЦАТЫЙ
СВИДЕТЕЛЬ

Майк Нереальный
Тринадцатый свидетель

«Автор»

2026

Нереальный М.

Тринадцатый свидетель / М. Нереальный — «Автор», 2026

Бухгалтер Алексей из Челябинска случайно становится свидетелем собрания иллюминатов. Ему предлагают выбор: стереть память или стать Тринадцатым — тем, кто видит тайны денег и умеет прощать долги. Но прощение — это не дар, а оружие. И оно смертельно опасно как для врагов, так и для самого Алексея. Потому что мир держится на страхе и процентах, а любой, кто пытается это изменить, становится мишенью для тех, кто питается чужим отчаянием.

© Нереальный М., 2026

© Автор, 2026

Майк Нереальный

Тринадцатый свидетель

Пролог. Тот, кто перестал быть никем

Алексей проснулся от того, что холодильник издал долгий, протяжный звук — не то вздох, не то предсмертный хрип. Потом затих. Навсегда.

— Отлично, — сказал он пустой кухне. — Просто отлично.

Тридцать два года. Бухгалтер в сети супермаркетов «Удача». Разведён. Друзей нет, потому что после развода они все куда-то делись — как тарелки после вечеринки, которую ты не устраивал. Снимал однушку на окраине Челябинска. Единственным событием в жизни был доширак со вкусом говядины — и тот он переел в прошлом месяце.

Он открыл холодильник. Там лежала луковица, кусок заплесневевшего сыра и надежда, что завтра будет лучше. Надежда тоже выглядела несвежей.

— Ладно. Схожу в круглосуточный.

Было два часа ночи. Алексей натянул старую куртку, сунул ноги в кроссовки и вышел в подъезд. Лампочка на лестничной клетке моргала, как телеграф, передающий сигнал SOS. Он спустился на первый этаж и тут заметил дверь, которой раньше никогда не видел.

Странно. Он жил здесь пять лет. Каждое утро проходил мимо этой стены. Там всегда был серый кафель, табличка «Осторожно, газ» и чья-то детская надпись «Коля лох». Но сейчас — дверь. Массивная, дубовая, с латунной ручкой в форме львиной головы. Ни замка, ни замочной скважины. Только гравировка: «**Qui audet adipiscitur**» — кто рискует, тот достигает.

Алексей хотел пройти мимо. Честно хотел. Но холодильник всё ещё молчал, а внутри было то самое чувство, которое он так долго заливал дешёвым пивом: пустота.

Он дёрнул ручку. Дверь открылась.

Часть первая. Свидетель

Глава 1. Собрание, на которое не приглашали

За дверью не было подвала. Не было склада, убежища или трубы отопления. Был зал.

Мраморный пол уходил в перспективу, где терялись колонны высотой с десятиэтажный дом. Сводчатый потолок тонул в темноте, но если всмотреться, там двигались звёзды. Настоящие. Медленно, как в планетарии, но с какой-то жирной, тяжеловесной неспешностью.

Посередине стоял **круглый стол**. Не из дерева — из чёрного стекла, в котором отражались лица. Двенадцать человек. Алексей насчитал двенадцать, хотя из-за игры теней казалось — больше. Мужчины и женщины, все в строгих костюмах, без единого яркого пятна. Их лица были спокойны той жуткой спокойностью, какая бывает у людей, которые уже подписали чей-то смертный приговор и забыли об этом за кофе.

Никто не обернулся на Алексея. Никто не спросил: «Ты как сюда попал?»

На тринадцатом месте (Алексей мысленно поёжился от этого числа) сидел он сам. Пустой стул. И бокал с водой, в котором всё ещё пузырился газ.

— Опоздал, — сказал человек слева. Ему было под шестьдесят, седина на висках, глаза цвета стали. Говорил он без вопросительной интонации, констатируя факт: гравитация работает, вода мокрая, ты опоздал. — Садись.

Алексей сел. Не потому, что испугался — хотя испугался он очень сильно. А потому, что его ноги перестали слушаться, и единственным местом, куда они ещё могли его донести, был этот стул.

Человек напротив подал голос. Женщина, лет тридцать, с родинкой над губой и взглядом рентгена. Она даже не открыла рта в полную силу — говорила прикрытыми губами, как будто слова были слишком ценными, чтобы выпускать их без фильтрации.

— У нас новый порядок. Сегодня говорим о деньгах. Тема: почему бедные беднеют, а богатые богатеют, даже когда делают одинаковые ошибки.

Кто-то хмыкнул. Седая голова справа покачалась:

— Каждый раз одно и то же, Елена. Ответ известен три тысячи лет: потому что деньги — это не математика. Это вера.

— Тогда объясни это им, — женщина кивнула куда-то вверх. Алексею показалось — на потолок, но потом он понял: сквозь потолок, сквозь землю, сквозь атмосферу, туда, где ничего нет, кроме чёрной пустоты и красных букв, которые не горели, но были видны.

Ему стало холодно. По-настоящему. Тот холод, который не снимешь ни курткой, ни чаем, ни объятиями другого человека, потому что он внутри.

— Молодой человек, — обратилась к нему Елена. — Вы не представились.

— Ал-Алексей.

— Алексей. Хорошо. Скажите, Алексей, почему вы не богаты?

Он хотел сказать: «У меня зарплата тридцать тысяч, квартплата съедает половину, бывшая жена забрала телевизор, и вот холодильник сломался». Но рот открылся, и вышло другое:

— Потому что меня так научили.

Тишина стала плотной, как вода на глубине. Потом седой (его звали Марк) медленно улыбнулся.

— Правильный ответ. Кто научил?

— Родители. Школа. Телевизор. Что деньги — это зло. Что богатые воруют. Что честным трудом не разживёшься.

— А теперь скажи, — голос Марка изменился, стал мягче, почти ласковым, — ты веришь в эти утверждения?

Алексей закрыл глаза. И с ужасом понял: да. Верит. Не потому что они истинны, а потому что их повторяли пятьсот миллионов раз. Через экран, через учебник, через папин подзатыльник, когда он принёс тройку по математике и сказал: «Пап, а зачем мне эта математика, всё равно денег нет».

— В этом суть, — сказал Марк. — Деньги — это всего лишь кристаллизованное внимание. То, на чём сосредоточено твоё сознание, становится ценным. Если ты сосредоточен на недостатке — недостаток и придёт. Если на долгах — долги прилипнут. Это не магия. Это нейробиология. Ретикулярная формация мозга находит то, о чём ты думаешь чаще всего.

Он щёлкнул пальцами. На столе возникла монета. Золотая. С профилем человека, которого Алексей не узнал.

— Возьми.

Алексей взял. Монета была тёплой, живой. И тяжёлой — не физически, а смыслом. Как будто в неё упаковали целую человеческую жизнь.

— Эту монету отчеканили в 312 году до нашей эры. Ею заплатили солдату, который убил своего командира, потому что тот не хотел делить добычу. Потом она перешла к рабу, который бежал из Рима. Потом к монаху, который на неё купил пергамент и переписал Евангелие. Потом к алхимику, который расплавил её, пытаясь сделать философский камень. Потом её снова нашли, переплавили обратно в монету... И теперь она здесь. Сколько людей — ты чувствуешь?

Алексей чувствовал. Шёпот, крики, запах крови и ладана, и ещё какую-то тоску, которая не умирает столетиями.

— Деньги — это память, — сказала Елена. — Не золото. Не бумага. Память о том, что кто-то поверил в их ценность. И эта память может работать на тебя или против тебя. Всё, что мы делаем на собраниях — просто перепрограммируем эту память. И не только денег.

Она посмотрела прямо в душу Алексею. Не в глаза — именно в душу, туда, где он прятал детские обиды, страх высоты, первую несчастную любовь и веру в то, что он ничего не стоит.

— Ты стал свидетелем, Алексей. Это нельзя забыть. Это нельзя рассказать. Ты либо пойдёшь с нами дальше, либо мы сотрём тебе память так, что ты забудешь, как зовут маму. Выбери.

Вокруг стола зашевелились тени. Или не тени — те, кто был глубже теней.

Алексей посмотрел на монету. На свою дешёвую куртку. На дырявый кроссовок. На двенадцать пар глаз, которые видели империи, войны, революции, кризисы и смерти королей.

— Остаюсь, — сказал он.

И почувствовал, как мир вокруг пошёл трещинами. Как будто всё, что он знал о реальности, было декорацией, а за ней — настоящая сцена. Бесконечная. Жестокая. И прекрасная.

Глава 2. Первая истина: деньги — это кристаллизованное время

Трещины на мире не зажили. Они остались — тонкие, золотистые, как паутина на старом зеркале. Алексей смотрел сквозь них и видел то, чего раньше не замечал: нити. Тонкие, как волос, тянущиеся от каждого человека за столом к потолку, к звёздам, к чему-то огромному и тёмному, что пульсировало в такт их дыханию.

— Не пялся, — сказал Марк. — С непривычки глаза потекут. Смотри на меня.

Алексей перевёл взгляд. Марк вынул из кармана пиджака песочные часы. Обычные, деревянные, с желтоватым песком. Поставил на стол.

— Что это?

— Часы.

— Хорошо. А что измеряют часы?

— Время.

— Неправильно. Часы измеряют **внимание**. Время — это иллюзия, придуманная, чтобы товарные поезда не сталкивались. Реально только внимание. Куда ты его направляешь — там и возникает твоя жизнь. Деньги — это внимание, остановленное в материи.

Он перевёрнул часы. Песок пошёл тонкой струйкой.

— Видишь песчинки? Каждая — это чья-то секунда, потраченная на что-то. Рабочий копает траншею — его секунды становятся цементом. Художник пишет картину — его секунды становятся красками и холстом. Банкир переводит цифры — его секунды становятся процентами. Но есть одна проблема: большинство людей продают своё внимание за бесценок, потому что не знают, сколько оно стоит на самом деле.

Елена достала блокнот. Кожаный, потёртый, с застёжкой-кнопкой. Открыла на пустой странице и написала ручкой формулу:

$$D = V \times \mathcal{E} \times K$$

где D — деньги, V — внимание в часах, \mathcal{E} — энергия (физическая и ментальная), K — качество (коэффициент навыка и уникальности).

— Это не экономика, — сказала она. — Это физика. Точно такая же, как $E=mc^2$. Только вместо скорости света — скорость доверия. Если в комнате десять человек и все верят, что камушек на столе стоит миллион, он стоит миллион. Ровно до тех пор, пока кто-то не скажет «это просто камушек». В этот момент энергия схлопывается, и камушек снова камушек.

Алексей попытался вникнуть. В уме щёлкнуло, как зубчатая передача.

— То есть... курс доллара, инфляция, биткоин — это всё просто вера?

— Бинго, — усмехнулся мужчина на противоположной стороне стола. Он до этого молчал, перебирая чётки. Алексею он показался самым молодым — лет двадцать пять, но глаза были как у солдата, вернувшегося с войны. Его звали Денис. — Только «просто» — это самое

сложное. Потому что чтобы создать веру, нужно повторить ложь триллион раз. Или убить тех, кто не верит. Или привязать веру к золоту, а золото — к налёту на инков. Или напечатать учебник экономики и заставить профессоров учить по нему студентов. А потом эти студенты становятся министрами финансов и говорят: «Так работает рынок». Но рынок не работает. Его заставляют работать.

Марк поднял руку.

— Тише, Денис. Не пугай новичка. Алексей, посмотри на свой холодильник. Точнее, мысленно представь его. Он сломался. Ты расстроен. Почему?

— Потому что придётся покупать новый, а денег нет.

— Нет. Ты расстроен, потому что кто-то однажды убедил тебя, что холодильник — это необходимость. И что необходимость стоит денег. И что денег должно быть столько, сколько стоят все необходимые вещи. А если их нет — ты плохой. Неудачник. Никто.

Он щёлкнул пальцами, и в воздухе повисла проекция. График. По вертикали — уровень счастья, по горизонтали — доход в долларах в месяц.

— Смотри. Счастье растёт с доходом до пяти тысяч долларов в месяц. Дальше — ровная полка. Человеку не нужно больше. Но маркетинг, кредиты, ипотеки, «лучшая жизнь для детей» — всё это создаёт искусственный дефицит. Сказка, что нужно больше. И в этой сказке ты — герой, который вечно должен бежать за морковкой. А морковку держит палка, привязанная к твоей же спине.

Проекция сменилась. Теперь это была спираль — змея, кусающая свой хвост.

— Уроборос, — сказала Елена. — Символ бесконечного цикла. Ты работаешь, чтобы есть. Ешь, чтобы работать. Копишь, чтобы тратить. Тратишь, чтобы снова копить. Круг замкнут. А чтобы ты не выпал из круга, есть три столпа: **страх**, **вина** и **надежда**. Страх потерять то, что имеешь. Вину за то, чего не достиг. Надежду, что завтра будет лучше. Все три — иллюзии. Но без них денежная система рухнет за неделю.

Алексей почувствовал, как внутри поднимается тошнота. Не физическая — метафизическая. Всё, во что он верил: честный труд, зарплата раз в месяц, красная зарплатная карта, копилка на «чёрный день» — всё это вдруг показалось декорацией. Как будто он всю жизнь играл в спектакле, думая, что это реальность, а сейчас за кулисами ему показали верёвки, на которых висят декорации.

— Зачем вы мне это говорите? — спросил он хрипло. — Вы могли стереть память. Почему не стёрли?

Ответила тишина. Двенадцать человек переглянулись. Потом Марк медленно, очень медленно снял очки (Алексей только сейчас заметил, что они без диоптрий, просто стёкла — пустые, как экран выключенного телевизора).

— Потому что, — сказал Марк, — мы ищем **Тринадцатого**.

Воздух в зале стал холоднее. Звёзды на потолке дёрнулись и выстроились в круг.

— По легенде, — продолжил Марк, — двенадцать иллюминатов правят миром уже две тысячи лет. Но легенда врёт. Нас всегда было тринадцать. Тринадцатый — не тот, кто сидит за столом. Тринадцатый — тот, кто **вне**. Тот, кто видит систему со стороны и может её сломать. Но каждые двести лет Тринадцатый исчезает. Умирает, сходит с ума, теряет веру. И мы остаёмся без контролера. Это опасно. Потому что без контролера двенадцать начинают враждовать. Войны, кризисы, революции — это не мы. Это мы без Тринадцатого.

Елена добавила:

— Последний Тринадцатый умер в 1921 году. В 1929-м — Великая депрессия. 1939-й — Вторая мировая. Мы пытались найти нового. Проверляли тысячи. Но все ломались под тяжестью знания. А сейчас...

Она посмотрела на Алексея с чем-то, похожим на жалость.

— А сейчас у нас есть ты. Бухгалтер из Челябинска. Сломанный холодильник. Отсутствие денег. Идеальный профиль. Потому что Тринадцатый должен быть **ником**. Тем, у кого нет власти, нет веры в систему, нет иллюзий. Тогда он увидит правду.

— И что я должен сделать? — голос Алексея прозвучал чужим.

— Научиться видеть тайны денег, — сказал Денис. — А потом — тайны человечества. А потом... решить, оставить всё как есть или обрушить храм. Но учти: когда обрушишь, под обломками погибнут миллиарды. Не от пуль — от голода, хаоса, потери ориентиров. Деньги — это наркотик. Ломка без него убьёт больше, чем войны.

Марк накрыл ладонью песочные часы. Песок замер на полпути.

— У тебя есть неделя. Следующее собрание — здесь же, в эту же фазу луны. За неделю ты должен понять три вещи. Первое: откуда берутся деньги. Второе: кому они нужны на самом деле. Третье: зачем ты живёшь, если деньги — не цель. Если не поймёшь — мы сотрём память. Если поймёшь — будешь учиться дальше. А если попробуешь рассказать кому-то... — он разжал кулак. Песок посыпался, но не вниз, а вверх, против гравитации, собираясь в чёрную пирамиду. — Пирамида придёт за тобой.

Свет в зале погас. Алексей моргнул.

Он стоял в своём подъезде. Перед серой стеной с надписью «Коля лох». Холодильник всё ещё молчал. На руке — золотой песок, который не страхивался.

И новая, острая, как битое стекло, мысль: **а что, если они не шутили?**

Он зашёл в квартиру. Включил свет. Сел на продавленный диван, глядя на стену, где висело пустое место от телевизора, забранного бывшей женой. И вдруг понял, что впервые за много лет не чувствует пустоты.

Внутри было знание.

Страшное. Тяжёлое. Но живое.

Глава 3. Бухгалтерские сети и первый обряд

Наутро Алексей проснулся от того, что песок на руке светился. Тихо, призрачно, как гнилушки в лесу. Он попытался смыть его — вода скатывалась, не касаясь кожи.

— Ладно, — сказал он зеркалу. — Значит, не сон.

Оделся. До работы оставалось два часа. Обычно он выходил за сорок минут, но сегодня почему-то решил пройти пешком. Челябинск спал. Автобусы ползли, как сонные жуки. На остановке тётка в пуховике ругалась с кондуктором из-за трёх рублей сдачи.

Алексей смотрел на неё новыми глазами. **Три рубля**. За что она борется? За принцип? За полбуханки хлеба? За иллюзию контроля над маленьким кусочком мира? Её лицо перекошено, голос сорван, а кондуктор уже открыл дверь и улыбается — он выиграл эту партию, потому что ему наплевать на три рубля, у него их двадцать тысяч в день проходит через руки.

— Деньги — это игра, — прошептал Алексей. — И большинство даже не знает правил.

Офис «Удачи» находился на первом этаже торгового центра. Открытая планировка, двадцать компьютеров, запах кофе и ксерокса. Начальник отдела — Семён Петрович, лысый мужик с лицом, которое даже мать называла «кислым». Он сидел в своём застеклённом кабинете и перебирал накладные.

— Леха, зайди, — крикнул он.

Алексей вошёл. Семён Петрович протянул пачку документов.

— Ты вчера не сдал отчёт по 12-му магазину. Почему?

— Там расхождение на три тысячи. Я разбираюсь.

— Не надо разбираться. Закрой накладной на списание. Напиши «порча товара». Три тысячи — это копейки. Ты что, за свои ответишь? Нет, за казённые. А казённым плевать.

Алексей смотрел на него и впервые видел не начальника, а **механизм**. Семён Петрович тоже был пешкой. Ему сверху спустили план по экономии — он экономит на всём, включая честность. Потому что если он сдаст реальные цифры (воровство в магазинах, просрочка, ошибки кассиров), его уволят. А если спишет — его похвалят. Система поощряет ложь. Не злую ложь, нет, — функциональную. Тихую. Ту, из которой вырастают кризисы.

— Понял, — сказал Алексей. Взял документы. Вышел.

За рабочим столом он не стал ничего списывать. Вместо этого открыл эксель и начал сводить цифры вручную. И тут случилось странное: **он увидел структуру**.

Каждая накладная, каждый чек, каждый возврат товара — это был не просто учёт. Это был **кровоток предприятия**. Деньги текли через кассы, вытекали через поставщиков, задерживались в венах складов, тромбировали в просрочке. А сверху, как сердце, бился офис — перекачивал, перераспределял, сжимал и разжимал капилляры.

— Боже мой, — прошептал Алексей. — Я думал, я бухгалтер. А я кардиолог. Только вместо сердца — система, где главный клапан — **доверие**. Если покупатели перестанут верить, что в «Удаче» низкие цены — всё. Инфаркт. Остановка. Труп сети.

Он набрал номер консультанта из собрания. Трубку взял Марк.

— Слушаю.

— Я понял, — сказал Алексей. — Деньги — это жизненная сила организации. Но кто решает, куда её направлять?

Пауза. Потом Марк засмеялся — сухо, как треск сухой ветки.

— Быстро. Очень быстро. Ты первый за сто лет, кто задал правильный вопрос на второй день. Ответ: никто. И все. Сейчас набери в поисковике «глобальный долг 2024» и посмотри цифру.

Алексей набрал. **Свыше 300 триллионов долларов**. Сердце ёкнуло.

— Это больше, чем все деньги мира вместе взятые. Долг не может быть выплачен никогда. Понимаешь? Ни-ко-гда. Система устроена так, что долг растёт быстрее, чем деньги. Это не баг. Это фича. Так держат в узде всё человечество. Каждый рождается с долгом — перед государством, перед банком, перед семьёй, перед будущим. Плати по кредитам, плати налоги, плати за свет, за воду, за воздух, скоро за кислород введут пошлину. А кто придумал долг? Ты думаешь, банкиры?

— А кто?

— Те, кто понял: **верёвка страха** прочнее любой золотой цепи. Давай так. Приходи завтра в полночь в это же место. Без куртки. Без телефона. Без документов. С собой — только осознание, что ты уже мёртв для системы. Тогда начнём второй урок: тайна процента.

Связь оборвалась. Алексей посмотрел на экран. Огромная цифра долга мигала, как табло в аэропорту, но рейса, который мог бы увести от этого, не было.

Он вздохнул и написал на листке бумаги:

«Правила старых денег:

Долг не может быть погашен — только передан другому.

Процент — это время, украденное у будущего.

Банки не хранят деньги. Банки хранят обещания.

Человек, который понимает это, либо становится рабом, либо богом».

Листок он спрятал в карман. Рядом с золотым песком, который всё ещё светился.

За окном Челябинск просыпался к новому рабочему дню. Люди везли детей в сады, покупали кофе в бумажных стаканчиках, ныли в очередях и мечтали о зарплате. Никто из них не знал, что бухгалтер из третьего офиса только что прикоснулся к нитям, на которых висит их мир.

И что эти нити можно не только увидеть.

Их можно **перерезать**.

Глава 4. Второй урок: Процент — это время, украденное у будущего

В полночь Алексей стоял у серой стены в подъезде. Без куртки. Без телефона. Без документов. В кармане — только горсть золотого песка, который теперь не светился, но ощущался как живой комок тепла.

Он ждал. Минута, вторая, пятая. Стена не менялась.

— Эй, — позвал он шёпотом. — Я пришёл.

Ничего.

Тогда он сделал то, что подсказало чутьё — протянул руку с песком к стене. Песок сам высыпался из кулака, описал в воздухе золотую спираль и... стена стала прозрачной. За ней был не подвал. Был **берег**. Ночь, луна, море, которого в Челябинске не бывает. Пахло солью и водорослями.

Алексей шагнул.

И оказался на чёрном песке. Вода лизала берег мягко, как язык огромного спящего зверя. Посреди пляжа горел костёр. Вокруг него сидели Марк, Елена и Денис. Без охраны. Без столов. Без чёрных костюмов — в простых свитерах, как обычные люди.

— Раздевайся, — сказал Марк.

— Что?

— Раздевайся догола. И заходи в воду. Это не проверка на стыдливость. Это **экспозиция**. Ты должен почувствовать, что значит быть без защиты. Без карманов, где можно спрятать паспорт. Без ткани, за которую можно уцепиться. Без ничего.

Алексей помедлил секунду, потом стянул футболку, джинсы, бельё. Вода оказалась ледяной — такой, что перехватывало дыхание. Он зашёл по пояс, зубы застучали.

— Стой там, — крикнула Елена. — Смотри на луну.

Луна была полной, огромной, как таблетка снотворного. В её свете море казалось ртутным — тяжёлым, текучим, живым.

— Теперь слушай, — голос Марка разнёсся над водой, хотя он не повышал тона. — Первый урок ты усвоил: деньги — это кристаллизованное внимание. Второй урок страшнее. Второй урок — **процент**.

Алексей попытался повернуть голову, но вода вдруг стала плотной, как кисель. Он мог только смотреть вверх.

— Процент, — продолжал Марк, — это не плата за риск. Не компенсация за инфляцию. Это **алхимия**. Способ создать деньги из ничего, привязав их к времени. Когда ты берёшь в долг сто рублей под десять процентов, ты должен вернуть сто десять. Но откуда возьмётся десять? Только из будущего труда. Из времени, которого ещё нет.

Перед глазами Алексея возникла проекция. Он видел себя — за письменным столом, в том самом офисе «Удачи». Но проекция была странной: он сидел, а вокруг него тянулись нити. Тонкие, как паутина, к его рукам, к голове, к сердцу. И каждая нить уходила вдаль, к фигурам, которых он не различал.

— Это **долговые нити**, — сказал Денис. — Твой ипотечный кредит, который ты брал на квартиру. Два кредита на бытовую технику, которые уже выплачены, но оставили след. Микрозайм, который ты взял на похороны бабушки. Даже неоплаченный штраф за парковку — это нить. Каждая нить — это кусочек твоего будущего времени, которое уже принадлежит другому.

— Я не брал ипотеку, — выдавил Алексей сквозь холод.

— А твои родители? — спросила Елена. — Их долги — твои долги. Система устроена так, что долги передаются по наследству. Не юридически — энергетически. Твой отец должен был банку тридцать лет назад. Он отдал — но время, которое он потратил на выплату, он не отдал тебе. Он приходил с работы уставшим, не играл с тобой, не учил тебя. Ты вырос без этого времени. Это и есть **процент** — украденное будущее, о котором никто не говорит.

Вода вокруг Алексея начала светиться. Он увидел нити, идущие от него в прошлое — к родителям, к школе, к первой работе. И в будущее — к платежам, которых ещё не было, но которые уже записаны в чьём-то реестре.

— Можно ли это остановить? — спросил он.

— Можно, — ответил Марк. — Но для этого нужно сделать то, на что не решается никто. Нужно **простить долг**. Не свой — чужой. Потому что все долги связаны. Простив чужой, тырываешь нить, которая тянется к тебе. Это как в старой кредитной системе: если банк списывает безнадёжный долг, он теряет деньги, но приобретает свободу от этого обязательства. Только здесь вместо денег — **время**.

Он подошёл к воде, не замочив ног. Протянул Алексею руку. На ладони лежала старая, пожелтевшая расписка.

— Это долговая расписка моего отца перед его братом. 1917 год. Сто рублей. С процентами за сто восемь лет — это сейчас около семи миллионов. Расписка переходила по наследству, хотя мой отец умер в 1943-м, его брат — в 1955-м. Юридически она не имеет силы. Но энергетически — тянет мой род вниз до сих пор. Я хочу её порвать. Но не могу один. Мне нужен **свидетель**. Тот, кто не связан с этой историей.

Алексей взял расписку. Бумага была хрупкой, как крыло бабочки. Он посмотрел на Марка, потом на костёр.

— Ты предлагаешь мне разорвать её?

— Нет. Я предлагаю тебе её **сжечь**. Но учти: как только мы это сделаем, ты станешь частью цепи. Ты возьмёшь на себя частицу долга — не денежного, а кармического. Ты почувствуешь боль всех, кто когда-либо был должен или кому должны. Это единственный способ стать Тринадцатым — пройти через **все долги мира** сразу.

Алексей сделал шаг из воды. Холод уже не чувствовался. Он подошёл к костру, держа расписку над огнём.

— Что будет, если я сейчас передумаю?

— Ничего, — сказала Елена. — Мы сотрём тебе память, ты вернёшься в свою квартиру, купишь новый холодильник в кредит и умрёшь в шестьдесят семь от инфаркта, так и не узнав, почему всю жизнь чувствовал себя должником.

Алексей посмотрел на расписку. Слова уже почти стёрлись, но можно было разобрать: *«Сим обязуюсь... под восемь годовых... порука и совесть...»*

— Совесть, — повторил он вслух. — Вот что такое процент на самом деле. Не деньги. Совесть. Чувство, что ты кому-то должен.

Он бросил расписку в костёр.

Бумага вспыхнула не жёлтым, а **синим** пламенем. И в тот же миг Алексей почувствовал удар — не физический, а глубинный, как будто кто-то залез ему в грудную клетку и начал выдёргивать нити по одной, с мясом.

Он закричал.

Перед глазами пронеслись сотни лиц. Крестьяне 1917 года, которые не могли выплатить налоги. Еврейские ростовщики в гетто. Студенты с кредитами на образование. Матери, берущие займы на лекарства детям. Фермеры, чьи поля забирали банки. Владельцы заводов, которые не могли расплатиться с рабочими. И все они смотрели на Алексея — без злобы, без мольбы, просто констатировали: **ты теперь знаешь**.

Крик сменился всхлипом. Всклип — тишиной.

Алексей лежал на чёрном песке, голый, мокрый, дрожащий. Рядом стоял Марк и держал стакан с водой.

— Выпей.

Он выпил. Вода была солёной — из моря.

— Это был второй урок, — сказал Марк. — Процент — это кража времени. Но не только. Это ещё и **эмоциональная клетка**. Должник всегда чувствует вину, даже если выплатил всё. И на этой вине построена вся современная цивилизация. Ты думаешь, войны начинаются из-за ресурсов? Нет. Из-за долгов. Версальский договор — это расписка Германии. Вторая мировая — попытка не платить. Кризис 2008 года — цепная реакция лопнувших обещаний. Всё это **процент**.

Елена подошла и накинула на плечи Алексея одеяло. Обычное, шерстяное, пахнущее домом.

— Теперь ты знаешь второй слой, — сказала она мягко. — Но это не освобождает. Наоборот, связывает ещё крепче. Ты стал частью чужого долга, который сжёт. Ты должен будешь прожить его заново — каждого человека, чья боль вошла в тебя. Это не наказание. Это **посвящение**.

Алексей сел. Посмотрел на свои руки — на них больше не было золотого песка. Вместо этого появилась тонкая голубая линия, вьющаяся от запястья к локтю, как вена.

— Что это?

— Счётчик, — усмехнулся Денис. — Каждый раз, когда ты сталкиваешься с долгом, линия будет расти. Когда достигнет сердца — либо умрёшь, либо станешь Тринадцатым. Пока что ты прошёл 3% пути. Ещё 97% впереди.

Костёр догорал. Луна клонилась к горизонту. Море успокаивалось, становясь обычным морем — без ртутного блеска, без магии.

— А теперь одевайся, — сказал Марк. — Завтра тебе на работу. Ничего не изменилось. И всё изменилось. И последнее: никому не рассказывай о том, что видел. Если спросят про голубую линию — скажи, что порезался о стекло.

— А если поверят?

— Если поверят — они такие же, как мы. И тогда мы придём к ним. Следующее собрание через три дня. Будем говорить о **тайне происхождения денег**. Не печатного станка — настоящего. Того, что было до золота, до раковин, до скота.

Алексей кивнул. Натянул джинсы. Футболка показалась ему грубой, как наждак.

— Можно вопрос?

— Валяй.

— Почему вы двенадцать? Почему не сто, не тысяча, не два?

Марк помолчал. Потом указал на небо, где луна уже скрылась за облаками, но остались звёзды.

— Посчитай звёзды в созвездии Змееносца. Там тринадцатая, которую не видно. Это метафора. Мы двенадцать — те, кого видно. Тринадцатый — тот, кто держит равновесие. Нас выбирает не кто-то, а сама система. Системе всегда нужен аутсайдер, который видит её со стороны. Ты — случайный свидетель. Но случайностей не бывает.

Он щёлкнул пальцами — и берег исчез. Алексей снова стоял в подъезде, в своей одежде, с голубой линией на руке.

В кармане зажужжал телефон. СМС от начальника: *«Лёха, отчёт по 12-му магазину так и не сдал. Жду в 9 утра»*.

Алексей посмотрел на экран. Написал ответ: «*Будет*».

И улыбнулся. Впервые за много лет — не криво, не через силу, а по-настоящему. Потому что теперь он знал: отчёт, накладные, списания — это всё иллюзия. Реальность была глубже. Гораздо глубже.

Он вошёл в квартиру, сел на кухне, открыл холодильник. Луковица и сыр с плесенью. Он взял луковицу, почистил, отрезал кусок хлеба, намазал горчицей и съел. Плесневый сыр выбросил.

— Завтра куплю новый холодильник, — сказал он пустоте. — Не в кредит.

Голубая линия на руке чуть заметно пульсировала.

Глава 5. Третий день: Экономическая война и тихий бунт

На работу Алексей пришёл за час до открытия. Это было неслыханно — обычно он вползал ровно к девяти, с глазами как у сомнамбулы. Но сегодня он выпался. Странно, но после ночного купания в ледяном море и сожжения вековой расписки он чувствовал себя так, будто поспал двое суток.

В офисе никого не было. Он сел за компьютер, открыл файл 12-го магазина. Там всё ещё висело расхождение на три тысячи рублей. Но теперь он видел это расхождение не как ошибку, а как **кровотечение**.

Он углубился в цифры. Обычно бухгалтер смотрит на итоги, на сальдо, на дебет с кредитом. Алексей же начал смотреть **на движение**. Где зародилась эта трёхтысячная разница? В кассе? В поставке? В возврате товара?

Он нашёл. В 12-м магазине продавец по имени Валентина трижды за месяц провела возврат товара без фактического возврата — просто нажала кнопку в кассовой системе, а товар остался в зале. Потом его, наверное, забрал кто-то из её знакомых. Схема древняя, как мир. Но Алексей смотрел не на саму кражу — он смотрел на **нитку**, которая от неё тянулась.

От Валентины нитка шла к её сыну, которому нужны были деньги на операцию. От сына — к больнице, где цены на лекарства вздуты в десять раз из-за договорённостей поставщиков с чиновниками. От чиновников — к офшорам, а от офшоров — к глобальному долгу, который прошлым вечером проходил сквозь сердце Алексея.

— Твою мать, — прошептал он. — Одна кража на три тысячи — это микротрещина в дамбе. А таких трещин миллионы.

Он закрыл файл. Не стал исправлять расхождение. Вместо этого написал начальнику письмо: *«Семён Петрович, я нашёл причину расхождения. Предлагаю не списывать, а провести внутреннее расследование. Валентина — не воровка, она спасает сына. Может, у нас есть фонд помощи сотрудникам?»*

Начальник пришёл в девять, прочитал письмо и вызвал Алексея в кабинет.

— Ты с ума сошёл? — спросил он, побагровев. — Фонд помощи? Какая Валентина? У нас план по экономии! Если я начну расследование, меня попросят на фиг! А с тобой, Леха, что? Совесть проснулась?

— Да, — сказал Алексей. — Проснулась.

Семён Петрович растерялся. Он привык к подчинительным бухгалтерам, которые кряхтели, но исполняли. А тут — спокойный, почти весёлый взгляд, голубая линия на руке (закачала рукав, когда пил чай), и никакого страха в глазах.

— Ты это... — начальник смешался. — Ладно. Спиши три тысячи как порчу. А Валентину я уволю на следующей неделе по сокращению штата. Без скандала.

Алексей вышел. В коридоре столкнулся с Валентиной — женщиной лет пятидесяти, с красными глазами. Она несла папку с накладными.

— Валентина, — тихо сказал он. — У вашего сына операция через два месяца?

Она замерла. Откуда он знает? Она никому не говорила.

— Я... откуда?

— У меня есть... чутьё. Послушайте. Не берите больше ничего из кассы. Я помогу. Есть люди, которые дают деньги без процентов. Настоящие. Не банки. Я узнаю.

Она смотрела на него, как на сумасшедшего. Но в её глазах зажглась крошечная искра — там, где минуту назад была только пустота.

— Спасибо, — прошептала она.

Алексей кивнул и пошёл в туалет. Закрылся в кабинке. Голубая линия на руке пульсировала чаще — 3,2% пути. Каждый добрый поступок, каждое вмешательство в систему долга приближало его к сердцу.

«Интересно, — подумал он, — это я приближаюсь к ним, или они ко мне?»

Ответа не было. Только шум вентиляции и запах дешёвого освежителя воздуха.

Вечером, после работы, он зашёл в магазин бытовой техники. Выбрал простейший холодильник — "Бирюса", белый, без наворотов. Цена — восемнадцать тысяч. Он достал карту — на ней было ровно восемнадцать тысяч. Всё, что осталось после развода, коммуналки и бесконечных микрозаймов.

Кассирша пробила чек. Алексей приложил карту. Терминал пискнул: операция одобрена. — С вас ровно восемнадцать тысяч, — сказала кассирша. — Ни копейки лишней.

Он взял чек. Впервые в жизни не влез в долг. Купил вещь за свои, настоящие, а не заёмные деньги. И почувствовал странное облегчение — как будто вынул занозу, которая сидела в пятке много лет.

Дома, пока грузчики устанавливали холодильник, он сидел на кухне и смотрел на голубую линию. Она выросла до 3,5%.

"Каждый раз, когда я делаю выбор против системы долга, линия растёт", — понял он. Система долга — это не проценты в банке. Это любой акт, где ты берёшь чужое время без отдачи. И любой акт, где ты отдаёшь своё время, не получив равноценного внимания.

Новый холодильник загудел — ровно, спокойно, надёжно. Алексей лёг спать. Снились ему не иллюминаты, не долги и не проценты. Снилось обычная деревня, где он меняет яблоко на рыбу, и никто никому ничего не должен.

Утром он проснулся с улыбкой.

Но улыбка сползла, когда он увидел в дверях Дениса. Тот стоял в прихожей, хотя дверь была заперта.

— Одевайся, — сказал Денис. — Третий урок начнётся раньше. Марк заболел. Тебя хочет видеть **Первый**.

— Первый?

— Первый иллюминат. Тот, кто сидел во главе стола на первом собрании. Тот, чьё имя нельзя называть. Он редко просыпается. Но когда просыпается — происходят события. Сегодня — твой черёд.

— А если я откажусь?

Денис криво усмехнулся.

— Тогда ты никогда не узнаешь, откуда на самом деле взялись деньги. И кто их напечатал в первый раз. Идём. Машина внизу.

Алексей вздохнул, натянул джинсы и вышел. Во дворе стоял чёрный "Мерседес" без номеров.

Они поехали. Не в центр, а на окраину, к заброшенным заводам. Алексей знал это место — здесь в девяностых был рынок, потом склады, потом ничего.

— Куда мы?

— В подземелье, — ответил Денис. — К Первому. И помни: не смотри ему прямо в глаза. У него их нет.

Машина остановилась. Впереди была стена, сплошной кирпич. Но Денис нажал кнопку на приборной панели, и кирпичи разъехались, открывая туннель, уходящий вниз, под землю.

— Добро пожаловать в третий урок, — сказал Денис. — Урок о том, кто создал деньги и зачем.

Алексей шагнул в темноту.

Голубая линия на руке полыхнула так ярко, что осветила стены. И там, на стенах, он увидел фрески — древние, как сама идея собственности. Люди меняли скот на зерно. Потом

зерно на раковины. Потом раковины на золото. А потом золото на бумагу, на которой было написано всего одно слово: «**ВЕРА**».

— Кто это придумал? — спросил Алексей.

Туннель ответил эхом. А потом из темноты раздался голос — старый, как мир, и равнодушный, как космос.

— Я придумал.

Алексей поднял глаза. Голубая линия осветила фигуру. Это был не человек. Это была **тень человека**, застывшая в кресле из чёрного дерева. И вместо глаз — две глубокие впадины, из которых сочился золотой песок.

— Садись, — сказала тень. — У нас мало времени. Начинается третий урок: **Тайна происхождения денег**.

Алексей сел на пол. Потому что стульев не было.

И тень начала говорить.

Глава 6. Третий урок: Тайна происхождения денег

Тень Первого не двигалась. Она просто была — вросшая в кресло, в камень, в самую темноту. Золотой песок сочился из глазниц не непрерывно, а пульсирующими толчками, в такт дыханию, которого Алексей не слышал. Возможно, дыхания и не было. Возможно, Первый дышал не воздухом, а *временем* — тем самым, о котором говорил Марк.

— Ты боишься, — сказала тень. Голос шёл не из горла — изо всех стен сразу, как будто сам туннель говорил.

— Немного, — признался Алексей. — Но, кажется, страх — это тоже долг. Мой страх перед вами — это время, которое я отдаю вам, не получая взамен.

Тень замерла. Потом издала звук, похожий на скрип несмазанной петли, — Алексею потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что это *смех*.

— Ты учишься быстрее, чем кто-либо за последние триста лет. Марк не ошибся. Тогда слушай третий урок. Он будет долгим. И после него ты либо станешь нашим, либо навсегда потеряешь покой. Потому что правда о деньгах — это правда о людях. И она уродлива.

Алексей устроился поудобнее на холодном полу. Голубая линия на руке горела ровным, спокойным светом, как навигационный огонь.

— Начнём с начала, — сказал Первый. — До денег не было никакого «естественного обмена». Люди не ходили с курицей на рынок менять на топор. Это сказка для учебников. Реальность была другой: был **долг**. Всегда был долг. Сначала ты брал у соседа огонь, потом отдавал мясом. Но если мяса не было — ты был должен. И твой долг передавался детям. Это работало тысячи лет. Никаких раковин, никаких монет. Просто: «Ты мне должен».

— Но как же... — начал Алексей.

— Не перебивай, — тень не повысила голоса, но стены дрогнули. — Потом появились города. Ур, Урук, Вавилон. Урожаи, налоги, храмы. Жрецам нужно было учитывать, кто сколько должен. Они придумали глиняные таблички. На одной табличке — запись: «Он должен храму три овцы». Табличка была *деньгами*. Её можно было передать другому. Это и есть настоящая монета — не металл, а *обязательство*. То, что ты должен кому-то, становится ценным для того, кому должны *ты*.

Перед глазами Алексея возникла проекция — глиняная табличка, клинопись, оттиск печати.

— Первая революция, — продолжил Первый. — Жрецы поняли: можно выпускать табличек больше, чем овец. И ничего страшного не случится, если все верят, что табличка равна овце. Так появилась *инфляция*. И храмы стали богатеть. А потом какой-то умник придумал резать таблички на кусочки — так появилась сдача. Всё это было за три тысячи лет до Христа.

Проекция сменилась. Теперь Алексей видел золотые монеты с профилем Александра Македонского.

— Греки добавили металл. Почему золото? Потому что его трудно добыть и легко подделывать. Подделка — это святое. Каждый правитель подделывал монеты, уменьшая вес золота. Народ злился, но продолжал пользоваться. Потому что другого выхода не было. Золото стало *религией*. Императоры чеканили на монетах свои профили — чтобы ты каждый раз, доставая монету, думал о власти. Деньги стали пропагандой.

Алексей вдруг вспомнил рубль с двуглавым орлом. И почувствовал, как что-то щёлкнуло в голове. Он действительно смотрел на орла каждый раз. И не думал, что это пропаганда — просто «так надо».

— Римляне пошли дальше, — голос Первого стал тише, но весомее. — Они придумали *девальвацию*. Император Нерон уменьшил содержание серебра в денарии на 10%. Следующие императоры — ещё и ещё. Через сто лет денарий стал медным, а стоил как серебряный. Потому что люди *верили*. Когда вера рухнула — рухнул и Рим. Не от варваров — от инфляции. Солдатам перестали платить настоящим серебром, и армия разбежалась.

— То есть деньги — это всегда вера? — спросил Алексей.

— И всегда *оружие*. Ты думаешь, войны начинаются из-за ресурсов? Нет. Войны начинаются из-за того, что одна валюта побеждает другую. Доллар победил фунт в 1944 году в Бреттон-Вудсе. А до этого фунт побеждал франк, франк — флорин, флорин — динар. Каждая победа — это тысяча убитых. Но никто не говорит: «Мы воюем за валюту». Говорят: «За свободу».

Тень Первого шевельнулась. Из темноты выплыл предмет — старинная ассигнация, времен Екатерины II. Бумага пожелтела, но буквы ещё читались.

— А вот это — твой прямой предок, Алексей. Твоя прабабка держала в руках эту бумажку в 1917 году. Написано: «Государственная ассигнация. 100 рублей». Что стоит за этой бумажкой? Земля? Золото? Нет. За ней стоит *штык*. Армия, которая заставит тебя принять эту бумажку. Деньги всегда держатся на насилии. Никто не хочет этого признавать, но без полиции, без судов, без тюрем твой кошелек — просто бумага.

— Но сейчас есть кредитные карты, безналичные...

— Ещё лучше. Безналичные деньги — это *чистая вера*. Ни золота, ни штыка, ни даже бумаги. Просто цифры на экране. Если завтра все банки скажут: «У вас нет денег» — у вас не будет денег. И вы ничего не сможете сделать. Потому что настоящего *золота* на всех не хватит даже на кольца.

Алексей почувствовал, как в груди разрастается холодная пустота. Он всегда знал, что деньги — условность, но сейчас эта условность предстала во всей своей чудовищной наготы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.